

Особенности художественного мира Нины Дашевской

Денисова Марина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,
Воронежский государственный технический университет,
Россия, г. Воронеж. ORCID: 0009-0008-9977-8467. E-mail: deni-mar@list.ru

Аннотация. Статья посвящена творчеству известного современного детского писателя, чьи произведения не раз становились победителями престижных литературных конкурсов, среди которых Всероссийский конкурс «Книгуру» (2013, 2014, 2015), Международная детская литературная премия имени В. Крапивина (2013, 2014), конкурс «Новая детская книга» (2014), Литературная премия им. С. Я. Маршака (2018) и другие. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостатком теоретических работ, посвященных анализу произведений Нины Дашевской, опубликованных в течение последнего десятилетия. Целью работы является изучение целостной системы текстов автора, обладающей определенными характеристиками. Объектом изысканий становятся сборники рассказов «Около музыки» (2015), «Второй» (2018), «Ключ» (2022), повестей «Скрипка неизвестного мастера» (2015), «Я не тормоз» (2016), «День числа Пи» (2018), «Тимофей: блокнот; Ирка: скетчбук» (2020), «Поиск звука. Творогов» (2021).

В результате сделан вывод о том, что герои автора – современные подростки, самобытные, увлеченные, талантливые, они ищут свой путь, учатся общаться, принимать решения, взаимодействовать с другими людьми. Автор поднимает проблемы социальной изолированности, отсутствия друзей и взаимоотношений между братьями и сестрами. В работе проанализированы ценности художественного мира автора, доминанты художественного пространства, особенности сюжетного построения произведений. Рассматривается музыкальность и ее реализация в текстах как основополагающая черта прозы Дашевской. Произведения демонстрируют воспитательный аспект и серьезную познавательную направленность рассказов и повестей, которая реализуется в сведениях из области музыки, живописи и литературы. Настоящая работа представляет собой этап в изучении современной литературы для детей и творчества Нины Дашевской, в частности, и открывает перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: современная детская литература, проблема, герой, сюжет, композиция.

Произведения Нины Дашевской появились на книжном рынке сравнительно недавно, однако быстро сумели не только привлечь внимание экспертов и критиков, но и завоевать любовь читателей, среди которых как дети и подростки, кому первоначально и были адресованы тексты, так и взрослые. Ее рассказы востребованы на уроках в школьном курсе литературы [2; 3; 12], они нередко становятся предметом анализа исследовательских работ школьников и студентов [13; 16; 17; 20]. Профессиональный музыкант, скрипач Нина Дашевская в своих книгах создает особую вселенную, функционирующую по своим законам. Жанровое и сюжетное разнообразие изданий тем не менее позволяет вычленить черты, характерные для ее художественного мира.

Главные герои большинства произведений – современные подростки 13-14 лет, по преимуществу мальчишки, живущие в большом городе. Их жизнь, их становление тесно связаны со школой, часто не только общеобразовательной, но и музыкальной. Одной из их характерных особенностей является уникальность, самобытность, богатый внутренний мир. Попытки разобраться в себе, осмыслить происходящее порой сопровождаются способностью настолько погружаться в собственные мысли, что теряется связь с реальностью. Герой подчас приходит в себя в совершенно неожиданном месте, не понимая, как он там оказался: «Идешь, идешь, вроде как обычно. И вдруг – бац! – совсем не то!» («Пространственный кретинизм») [7, с. 136], «Голова думает себе, а ноги идут совершенно отдельно» («Цветок липы») [15, с. 66–67], «Среди самого обычного дня он вдруг выпадал из реальности. Будто кто-то ставил жизнь на паузу. И в это время показывал ему совсем другое кино» («Лук») [15, с. 19].

Эта черта трактуется не как недостаток, болезнь, а порой как свидетельство увлеченности, талант, который следует лишь научиться использовать. Подобная способность характерна прежде всего для творческих людей любого возраста. Поэтому в произведениях Дашевской ею обладают и родители. Мама Игната – театральная художница. «Когда она утром кашу ва-

рит, мешает в кастрюле, а вокруг листки бумажные валяются. И каша потом... Э... Ну не в каше счастье ... А потом – бац, звездочет с листков этих – на занавесе. В огромном театре» («Я не тормоз») [12, с. 36], родители Ивана Творогова – оперные певцы, папа перед премьерой ночью несколько часов смотрит клавиш, спросишь – не ответит, каждый раз наливает себе чай и забывает о нем: «Так и сидит... сто чашек вокруг себя соберет» («Поиск звука. Творогов») [9, с. 19]. Папа Ильи – музыкант – признается сыну, что тоже, как и он, задумывается и улетает, но уже реже, чем в юности. Постепенно он научился это прятать, однако знает, что машину ему водить опасно («Лук»). Такие откровения способствуют взаимопониманию, может быть, поэтому в художественном мире писателя нет противостояния между родителями и детьми.

Персонажи часто неуклюжи, неловки, забывчивы, не всегда могут верно рассчитать время. Например, Миша из рассказа «Очки» идет в кино с классом, он рад, что все сложилось благополучно: и пришел вовремя, и кинотеатр не перепутал, и деньги не забыл, но, как только он сел на свое место, из очков вылетело стекло. Иван Творогов, который выбрал для себя роль лентяя, часто просто лежит на диване. Однажды, когда он все-таки решил встать, то зацепился ногой за провод от торшера, разбил и лампочку в торшере и плошку с цветком на окне. Вышел из дома – оступился, упал, разбил очки, решил прокатиться на самокате – не заметил трещину в асфальте, упал, порвал джинсы.

Уникальность героя порой граничит с инаковостью: перу Дашевской принадлежат два романа об особенных детях: «Я не тормоз» и «День числа Пи». Оба главных действующих лица демонстрируют выдающиеся способности и высокий интеллектуальный уровень, при этом, с точки зрения обывателя, их поведение неадекватно. Так, например, Лев Иноземцев («День числа Пи») воспринимает мир в красках и звуках, и если сочетание, с его точки зрения, ужасно, он испытывает почти физическую боль: «Это слово похоже на птицу ... Я не могу его написать, не могу его слышать. Это какой-то взрыв фиолетового и коричневого цветов: причем таких оттенков, что это совершенно невыносимо и хочется орать только оттого, что я представил это» [6, с. 22]. У Льва – синдром Аспергера, у Игната Волкова («Я не тормоз») – СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности. «У меня без движения ноги отваливаются и руки» [12, с. 34], – так мальчик пытается объяснить свою неспособность сидеть спокойно хоть какое-то время.

Первого диагноза нет в тексте, автор упоминает его лишь в интервью, указывая, однако, что у нее не было цели показать больного ребенка [1]. Эти люди воспринимаются окружающими как странные, тогда как сами герои себя таковыми не считают: «Я не странный, я нормальный. Это все остальные странные. Представь себе: ты оказалась в обществе, где все такие, как я. Как бы тебе это понравилось? Все бы говорили, что ты странная» [6, с. 47]. Повествование от первого лица позволяет автору максимально откровенно передать мысли и чувства этих нетипичных персонажей, раскрыть перед читателем их внутренний мир. Повесть «День числа Пи» является диалогией. Первая часть написана от лица Льва Иноземцева, вторая – его одноклассника Кирилла Комлева. Структура повести дает возможность понять, как разнится самоощущение героя с его восприятием окружающими [14, с. 38].

Герои Дашевской по преимуществу талантливы: они пишут стихи и сочиняют музыку, они прекрасные исполнители, делают необыкновенные по содержанию фотоснимки. В школе им удается писать отличные сочинения и решать сложные олимпиадные задачи по математике. Есть способности и не слишком очевидные: умение находить общий язык с малышами («Грошик»), тонко чувствовать другого человека («Второй»). Важной особенностью художественного мира автора становится и дар видеть красоту в обыденном. Предметом восхищения может стать тень от решетки моста с переплетением в виде кельтского узора, сосулька, похожая на чудовище («Пространственный кретинизм»), старая стена, которую множество раз штукатурили и красили («Подросток N»), монетка на булыжной мостовой («Кнехт»), старая колонка для воды недалеко от небоскреба как соединение двух миров («Лук»), дождь, превращающий обычный город в волшебный («Дождь») и многое другое. Одаренность выступает у автора чертой каждого подростка, думающего, развивающегося, способного заглянуть в себя.

В склонностях и интересах персонажей легко увидеть предпочтения и самого автора. Нина Дашевская в многочисленных интервью не раз признавалась, что ее любимым школьным предметом была математика и она до сих пор занимается детской олимпиадной математикой. Говорит она и о связи музыки и математики, которая прослеживается во многих ее художественных текстах: «Музыка работает с числами, звуковыми волнами. Человеку нравится

сочетание звуков, но, если копнуть, окажется, что звуковые волны находятся в очень строгих взаимоотношениях между собой. Иногда мне хочется знать в музыке, «как это устроено»; иногда – это чистые эмоции, ощущения» [18].

Несмотря на очевидную для читателя благополучность, успешность героев, их самооценка обычно ниже, чем мнение, которое высказывают о них окружающие, персонажи никогда не только не говорят о своих достижениях или о своих успехах, но даже и не думают об этом. Прохор из рассказа «Второй» считает, что он поступил в специальную музыкальную школу со второго раза случайно: «Не должен был, но прошел. Взяли авансом» [8, с. 165], он убежден, что играет хуже всех: «Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И все. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести ее» [8, с. 165]. Этому высказыванию противопоставлено мнение о нем его одноклассницы Оли Коровиной: «Из маленькой музыкальной школы в райцентре, я талантливый, добился, поступил с нуля» [8, с. 173]. И это не единственное суждение: выясняется, что в классе только Прохор обладает способностью в ансамбле «сдерживать в себе солиста» [8, с. 171] и дать прозвучать другому.

В дилогии «Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук» Тимофей в парном бадминтоне занял четвертое место в соревнованиях «конечно, просто потому, что Степанов играл как терминатор» [11, с. 16]. В повести «Канатоходец» Доминик Штрохольм по тросу, натянутому над площадью, забирается на колокольню, чтобы разбудить город и спасти жителей от наводнения, но не видит в этом своей заслуги, убежденный, что герои те, кто предсказал стихийное бедствие и вывозил людей. То есть персонажи Дашевской скромны и самокритичны, однако не из-за робости или завышенных требований со стороны родителей или учителей, а благодаря благополучной семье, уважению к личности и интересам подростка и верным жизненным ценностям, которые транслирует автор.

Очень хороши у Дашевской женские образы: умные, тонко чувствующие, внимательные, отзывчивые, всегда готовые прийти на помощь. Конечно, читатели, как правило, видят их глазами рассказчиков, испытывающих безусловную симпатию к героиням, тем не менее поступки девочек подтверждают, что симпатия неслучайна. Таня Соловьева из повести «Скрипка неизвестного мастера» не только не испугалась поддержать одноклассников, выступивших против учителя, но и была инициатором разговора с директором. Соня из повести «День числа Пи» стала, по ее меткому выражению, своеобразным адаптером между Львом Иноземцевым и остальным миром, Варя М. из повести «Поиск звука. Творогов» подтолкнула героя к поиску своего звука, дела своей жизни.

Основной проблемой, стоящей перед героями, является их некая социальная изолированность, отсутствие друзей. «В школе у меня нормально. В смысле, что и друзей особых нет, но и не достает никто. Я сама по себе. Не с кем особо там дружить, неинтересно» [7, с. 77–78], «Друзей у меня нет. Ну, можно сказать, я со всеми дружу; врагов у меня нет тоже. Но так, чтобы прямо друг – нет» [12, с. 12]. С этими суждениями Сони Арсеньевой из рассказа «Панкратьев» и Игната Волкова («Я не тормоз») согласились бы большинство героев. Дружба в художественном мире Дашевской выступает огромной ценностью, способной наполнить жизнь. Потеря друга из-за досадного недоразумения или появления новых интересов крайне болезненна. Общеобразовательной школе в этой связи иногда противопоставлена музыкальная, где тебя понимают, где вокруг – единомышленники. Героиня рассказа «Весенняя соната» переехала в другой район, но раз в неделю она отправляется домой, подразумевая под этим словом не старый дом, и не двор, а музыкальную школу. А в рассказе «Наушники» герой планирует пережить, как-то дотянуть до 9 класса и поступить в музыкальное училище, где плохих людей просто не может быть.

Частотным сюжетным ходом автора, позволяющим раскрыть подростка как личность, как интересного, думающего человека, становится его случайное сближение с одноклассником, которого он вроде бы давно знал, но никогда не общался с ним. В рассказе «Наушники» Иосифа и Никиту, которые «учились в одном классе шесть лет и абсолютно не замечали друг друга» [7, с. 6], в поездке поселили в один гостиничный номер, в рассказе «Подросток N» мальчик, гуляющий по городу, неожиданно встречает одноклассницу Зою Синицкую, а Соня, героиня рассказа «Панкратьев», сталкивается с одноклассником, чье имя даже не помнит, на школьной крыше, куда обычно приходит, когда хочет побыть одна. Повествование в таком случае ведется от первого лица, а неожиданное столкновение и доверительный разговор обогащают обоих участников диалога, выявляют неординарность героев и помогают рассказчику разобраться в себе.

В диалогии «День числа Пи» сюжетная коллизия немного усложняется: герои не переносят друг друга, но несчастный случай заставляет их начать общаться, а затем и дружить. Важная роль здесь принадлежит третьему действующему лицу – Соне, сознающей неординарность обоих персонажей и пытающейся приблизить их друг к другу. Именно ее вмешательство помогает героям лучше узнать друг друга и разобраться в себе. Осознание себя и собеседника как близкого человека, друга, после произошедшего реализуется в финале рассказов через обращение к личному имени. Соня на страничке класса выясняет, что Панкратьева зовут Дима, подросток Н превращается в Гришу, а Оська, который не любит свое имя, становится Иосифом. В повести «День числа Пи» Кирилл про себя называет Льва Иноземцева Моцартом, тогда как себе отводит роль Сальери. Соня разрушает это надуманное противостояние героев, вспоминая имя, которым называла друга в детстве: «Так что ты никакой не Сальери ... ты мой Паразауролоф навсегда!» [6, с. 195].

Доверительный разговор со сверстником, продолжающийся в переписке в социальных сетях и сообщениях, дающий возможность поделиться своими мыслями, интересами, откровенно говорить о том, что беспокоит, для героев порой важнее, чем романтические отношения. Так, Иван Творогов, которому нравится Варя М., готов смириться с ее симпатиями к другу: «Пусть Джефф... пусть Дима Федченко, пусть – все, что угодно... Кто угодно. Только говори со мной, Варя. Иначе я умру. Просто умру, и все» [9, с. 87]. Ценность такого общения осознает и Варя, она не хочет смешивать его с личными привязанностями, чтобы не потерять собеседника. И когда Иван пытается обнять ее, отстраняется: «Всем – может быть и надо. А ты не все. Понял? Ты – не все! ... Мне с тобой – говорить, понимаешь? Я ни с кем так не могу говорить... Пожалуйста, не как все» [9, с. 89].

Показательно, что отрицательных героев у Дашевской почти нет. В эту категорию попадает разве что второстепенный персонаж рассказа «Наушники» Гиреев, демонстрирующий пренебрежительное отношение к людям других национальностей. Но он лишь вскользь упоминается в тексте. Кажется, что если бы автор уделила ему чуть больше времени, то и он предстал бы интересной личностью. Так, в рассказе «Цветок липы» Гордеев характеризуется как «двоечник и хулиган» [5, с. 67], его даже хотят исключить из школы за распитие спиртных напитков. Но ни его поведение, ни речевая характеристика не создают отрицательного образа, напротив, тот факт, что он не выдал никого, с кем был на крыше, заставляет уважать его. Автор не оставляет вопросов по поводу его дальнейшей судьбы, сообщает, что в школе его поддержал молодой преподаватель истории, занимался с ним, Гордеев выдержал огромный конкурс и поступил в Нахимовское училище.

Дашевская не создает трагических ситуаций и неразрешимых конфликтов, избегает расставаний, ссор, болезней и утрат, она строит светлый мир, в котором нет несчастных людей, а есть лишь сомневающиеся, переживающие сложный период взросления герои, которые обязательно будут счастливы. А если она и упоминает о проблемах в семье, то очень аккуратно, не давая оценок. Например, из уст одного из персонажей читатели узнают, что родители Гордеева «классические асоциальные элементы. Алкаши, по-русски говоря. Кажется, сидит кто-то» [5, с. 79]. Но информация не комментируется, а сведения о том, как сложилась дальнейшая судьба героя, на первый взгляд, излишние для сюжета, дают читателю установку на то, что несмотря на сложные жизненные обстоятельства, человек, который прикладывает усилия и стремится к своей мечте, добивается желаемого.

Если отношения со сверстниками у героев Дашевской складываются не всегда и не сразу, то с родителями ни у кого серьезных конфликтов нет. Бабушка и дедушка, воспитывающие Льва Иноземцева, резко отличающегося от других своим поведением и мышлением, из повести «День числа Пи», обладают безграничным терпением. Мама со смирением терпит эксперименты дочери с одеждой и прической в рассказе «Весенняя соната»: «И она купила в переходе черную куртку с черепом во всю спину ... Назвала ее «моя черепуха» и носила не снимая. Джинсы – подарок дяди Лёни – порезала ножницами. Еще постриглась – совсем. То есть абсолютно, под «ноль». Мама все молчала, только когда увидела лысую Лелькину голову, кажется, заплакала» [7, с. 32]. Родители видят, чем интересуются их дети, стараются помочь развитию способностей. Так, папа, заметив, что дочка не рисует красками, а только черной гелевой ручкой, покупает ей перьевую ручку, уголь и тушь («Ирка: скетчбук»). В рассказе «Лук» папа приносит домой укулеле, маленькую гавайскую гитару, чтобы увлечь сына.

Конечно, случаются недопонимания, иногда ребенок не может соответствовать тому идеальному образу, на котором настаивает отец («День числа Пи: Сальери»), порой родители

ссорятся друг с другом («Подросток N») или даже иногда кричат на детей («Ирка: скетчбук»), но это не нарушает устойчивого равновесия настоящей семьи, где все доверяют друг другу: «У нас договоренность такая: не врать. Поэтому они стараются не давить на меня, чтобы это не испортить. Я не вру, ну и они мне тоже ... Это такая штука, доверие. Таким не бросаются» [7, с. 93]. Доверие и отсутствие лжи – еще одна ценность в художественном мире Дашевской. Все герои писателя имеют дом, где их любят и ждут. Хотя дружбу с ровесником не могут заменить даже самые лучшие отношения с родителями: «Но им ведь все равно всего не расскажешь» [7, с. 94].

В книге «Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук», изданной как перевертыш, автор выносит на обе обложки фразу, указывающую на общую проблему этих повестей: «У Тимофея младший брат, а у Ирки старший. Они незнакомы, но оба чувствуют себя одинокими в семье, где есть кто-то близкий» [8]. Действительно, у родителей очень много времени отнимает работа: так, мама Иры, только оказавшись в больнице с аппендицитом, находит время спросить у дочери, с кем та сейчас дружит. Однако с братьями и сестрами взаимоотношения теплые, случающиеся размолвки естественны, и они быстро разрешаются. Младшим хотелось бы больше времени проводить со старшими, им очень нужно это общение. Например, Ира иногда разговаривает с воображаемым братом, то есть моделирует разговор, который вполне мог бы состояться, она собирает все рисунки, которые брат считает неудачными и выбрасывает. Брату же неприятно такое пристальное внимание младшей сестры, он воспринимает его как посягательство на свою свободу.

В этих текстах нет пронзительного чувства покинутости, непонятости, речь скорее идет об одиночестве как неотъемлемой черте подросткового возраста, когда ребенок начинает воспринимать себя как уникальную личность, а потребность в общении у младших вступает в противоречие с потребностью уединения у старших. В этот период ребята нередко начинают вести дневник, чтобы разобраться в себе и своих взаимоотношениях с миром. Функцию личного дневника у Иры выполняет скетчбук, где она рисует, а у Тимофея есть блокнот, где он записывает свой рассказ. Страничками из них и заканчивается каждая повесть. Взаимоотношениям братьев и сестер посвящен и рассказ «Полторы курицы», где так же, как и в этой книге, есть примеры заботливого, трогательного отношения старших и младших друг к другу, да и в повести «Я не тормоз» герой с большой любовью пишет о брате.

Интересно, что, подробно повествуя о мыслях и чувствах своих героев, Дашевская дает очень краткие описания внешности персонажей, иногда используя для этого лишь несколько слов: «светлая растрепанная голова» [6; 7], «маленький, шуплый, в очках, уши торчат» [7, с. 25], «долговязый нескладный парень» [7, с. 32], «лицо у него такое треугольное, острое. На какого-то зверька похож. Маленький быстрый» [7, с. 88]. Более развернутые описания редки: «У Ани Лернер узкие плечи, тонкие пальцы – спичка, а не человек. Только волосы густые, черные, сильные-сильные, и глаза яркие» [5, с. 6]. Большинство персонажей и вовсе лишено упоминаний о наружности. В повествованиях от первого лица такая информация о самом герое вводится, лишь если тот сравнивает кого-то с собой: «У нее светлые вьющиеся волосы, как у меня ... И у нее темные-темные глаза, тоже как у меня» [11, с. 25].

Часто герои недовольны своим именем или фамилией: Яков Дьяков не переносит получившейся рифмы («Дождь»), Никите Кукушкину свое имя кажется рабоче-крестьянским, а Иосифу, Оське просто некрасивым («Наушники»), Ирка не хочет быть Ирочкой («Ирка: скетчбук»), Анна-Мария не терпит, когда ее зовут Анечкой, Максим Матерьялов планировал даже взять мамину фамилию («Льжи») и пр. А вот недовольство внешним видом демонстрируют лишь две героини: у Сони из рассказа «Панкратьев» оттопыренные уши, а Зоя Синицкая полная («Подросток N»). Однако обе не слишком расстраиваются: «Да чего ты, я же знаю, что я толстая. Знаешь, как это удобно! Все переживают: ах, красивая или некрасивая, какую бы прическу, какие ногти... А я – нет! Мне и переживать нечего, все ясно» [8, с. 234]. Зою «спас» ее отчим, объяснив ей, что она может быть любой, ее значимость в индивидуальности, а особенности внешности можно компенсировать: «А мой старик Синицкий сразу сказал: надо интеллектом брать» [8, с. 234]. Признание недостатка внешности вкупе с отсылкой к интеллекту, высказанное сверстником, успокаивает и Сою.

Действие большинства произведений Дашевской происходит в большом городе. Подросток N выходит не на своей станции метро и отправляется туда, где никогда раньше не был, Никита из рассказа «Пространственный кретинизм», решая сократить путь до новой школы, оказывается на другом конце города на железнодорожной станции, по весеннему городу гу-

ляют герои рассказа «Панкратьев», Лев Зайцев из повести «Я не тормоз» на роликах проезжает Москву с севера на юг, рассказывая о знакомых зданиях и мостах. Город, река и мосты – это своеобразные доминанты художественного пространства текстов автора. Они не просто упоминаются как место действия, а интерпретируются как объекты, с помощью которых герой познает себя. «Мы идем, не останавливаемся: мимо домов, мимо трамваев, мимо проводов, мимо балконов – мимо всего ...я на все смотрю. И все вижу. Я – не мимо, я все пропускаю через себя [9, с. 12], – делится Иван Творогов. – Мне нравится это: ходить и смотреть. Смотреть и ходить. Такой вот у меня план на жизнь» [9, с. 17].

Подростки пока не очень хорошо знают свой город, порой теряются, оказываются не там, где планировали, но постепенно учатся ориентироваться. Пространство города метафорически осмысливается здесь и как взрослая жизнь, куда вступают герои. Это свобода, большие расстояния и много возможностей. В дороге они любят городом, размышляют, осмысливают сложившуюся ситуацию, приобретают опыт, взрослеют. «Мой главный сюжет – это «я иду и думаю». Мне кажется, ходить и думать – из самых главных вещей в жизни» [18], – признается автор в одном из интервью. Так, в рассказе «Дублин и море» кружащий по городу в поисках моря, а затем в попытках отыскать отель Аркашка, примеряя на себя чужую жизнь, выбирает свой жизненный путь: музыка или Нахимовское училище.

Металлические дуги мостов, четкие, лаконичные, или причудливые, кружевные, колонны, держащие мост, и даже металлические накладки-укрепления не раз становятся предметом описаний автора. Игнат Волков, представляя свой маршрут, рассказывает о каждом из шести мостов, которые встречаются ему на пути, так подробно, что читатель, живущий в Москве, может легко отправиться той же дорогой («Я не тормоз»). Ирка гуляет по пешеходному мосту или по железнодорожному и даже рисует их, тщательно прописывая болты и гайки («Ирка: скетчбук»), Никита оценивает красоту кованой решетки моста со знанием дела, он признается, что разбирается в мостах, знает и любит их, потому что его папа всю жизнь их строит («Пространственный кретинизм»), Рома сидит под мостом и наблюдает за рекой («Черепашка»). Многочисленны и описания реки: темной воды, в которой отражается город, весенней реки с огромными льдинами, похожими на пятна на шкуре леопарда, и реки в дождь. Мост же, соединяющий два берега, порой представляется героям мостом в другую жизнь, где все иначе: «Там, на том берегу, все не так; там бывает другое настроение, даже другая погода. Я там брожу и думаю: а если бы я жила здесь?» [11, с. 21].

В композиционном плане тексты Дашевской лишены яркой интриги, исключение составляет лишь повесть «Скрипка неизвестного мастера», где можно проследить жанровые черты детектива [15]. Лишенные экспозиции, по преимуществу представляющие собой повествование от 1 лица, произведения предлагают читателю понаблюдать за процессом изменений, которые претерпевают взгляды персонажа, его жизнь, взаимоотношения с окружающими или интересы. Хороший конец не только дает возможность не беспокоиться о героях, но и позволяет надеяться, что и в жизни читателей, подростков, сталкивающихся с похожими проблемами, все тоже будет хорошо. Интересно, что герои лишены и выразительной речевой характеристики, Дашевская избегает жаргонизмов, профессионализмов, сниженной лексики. Стройный, тонкий язык повествования напоминает нежную приятную мелодию, где нет ни одной фальшивой ноты.

Одной из важнейших черт не только персонажей Дашевской, но в целом ее художественного мира выступает музыкальность – способность чувствовать музыку, дышать ею, воспринимать ее как неотъемлемую часть жизни: «Оля иногда думала музыкой, а не словами, но чаще всего это звенело в голове одновременно» («Цветок липы») [6, с. 66], «... у меня все время музыка в голове. Иногда сразу несколько мелодий друг на друга накладываются» («Пространственный кретинизм») [7, с. 137], «Я включил у себя в голове концерт Рахманинова погромче и пошел домой» («Второй») [5, с. 19]. В большинстве текстов Дашевской есть музыка: ее герои посещают музыкальную школу, играют музыкальные произведения по собственному выбору, выходя далеко за рамки программы, слушают музыку. Нередко профессия родителей героев связана с музыкой, и тогда ребята получают сведения об этом исподволь, сами того не замечая.

Если герои и не имеют музыкального образования, то часто чувствуют в этом потребность и демонстрируют хорошие способности. Так, например, в рассказе «Лук»: «Илюха музыкой не занимался. Пробовали, конечно, но он с самого начала так расстраивался, что у него не выходит. В ушах есть, а руками не получается ... Потом уже, в седьмом классе, научился играть

на укулеле, маленькой гавайской гитаре. Слух, оказалось, хороший, и все аккорды уже будто были в голове, ждали своего часа: он не знал их названий, просто чувствовал, какой подойдет именно сейчас» [6, с. 24]. Панкратьев в одноименном рассказе тоже пробовал заниматься, но не сложилось: «Я пробовал учиться. Пианино пробовал, потом гитару... И не смог, пальцы вот эти, ноты. Ужас. Не смог я. Дурак, наверное. Понимаешь, слышу, а пальцами сыграть не могу» [7, с. 108]. Подобным же образом ситуация сложилась у Никиты из рассказа «Пространственный кретинизм» и у Саши («Ой, то не вечер...»).

Музыка в произведениях Дашевской выполняет разные функции: она держит на плаву, когда жизненные обстоятельства меняются, помогает пережить и осмыслить не только радостные, но и грустные перемены («Весенняя соната», «Виолончель»), дает возможность понять другого человека, увидеть его настоящим («Второй», «Ой, то не вечер...», «День числа Пи», «Поиск звука. Творогов»), а то и вовсе преодолевает языковые барьеры между людьми, находит общий язык даже с морем, заставляя его, злое, бурлящее, плескаться как ручеек («Дом над морем»). Владение инструментом без преувеличения можно назвать волшебным навыком, помогающим преодолеть все сложности: «Скучно тебе, плохо или, наоборот, радость – играй! Знаешь... Люди, они разные бывают. И в жизни бывает всякое. А твой инструмент не предаст никогда» [8, с. 53]. Такое напутствие дает педагог выпускнице музыкальной школы в рассказе «Весенняя соната».

Профессиональный музыкант, Нина Дашевская подбирает удивительно точные слова для передачи красоты мелодии, которой можно заслушаться: «музыка волшебная, нежная, тонкая, весенняя» [7, с. 43], «Она (виолончель) не пела, а как будто говорила негромко, и голос ее был такой... Словно на всей планете нет ничего, только снег, снег и в лучах фонаря она, виолончель» [7, с. 26]. Автор не раз указывает и на притягательность настоящей музыки, обладающей способностью повести за собой: «Я тогда оцепенел. Впервые замер от музыки, думал только: пускай не кончается, не кончается! И потом эта музыка звучала в моей голове долго, долго...» [6, с. 6], «Меня как будто крепко взяли и повели за собой. И я пошел. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце ... И думаешь: только бы не кончилось, не кончилось» [6, с. 8], «Он вообще ни о чем не думал – как будто кто-то подошел к нему, взял за руку и повел за собой. И Кешка пошел. Пошел без оглядки, не думая – на край света, в огонь и воду! И идти ему было хорошо» [10, с. 39].

Музыка может быть слышна в звучании имени: «Мне нравилось слово «Никита». Простое и крепкое. Говоришь, будто орех перекатываешь за щекой. Ни-ки-та. Согласные, как сухие полешки. Как ксилофон. Ему подходит, он ударник. Никита Кукушкин, па-парам, там-тирам. Будто барабан и тарелочка» [7, с. 8]. Излишний напор педагога по виолончели воспринимается ее ученицей через неприятное звучание ее имени и отчества: «Капитолина Валентиновна. Слышите, какое имя? Слышите, как вам будто два раза надавили прямо в солнечное сплетение?». В повести «День числа Пи» Лёва постигает мир через музыку, которую воспринимает в цвете, поэтому, омет для него «соль диез минор» [6, с. 45], а любимые брюки кирпичного цвета «дорийский минор, повышенная шестая ступень» [6, с. 56]. Но и имя он тоже слышит нотами: «Я поднимаю глаза и вижу Анну Вячеславовну, географичку (слышите в этом имени три бемоля, нет?)» [6, с. 39], а лицо может записать нотами, то есть воспринимает его как музыку.

Город с его улицами и площадями тоже предстает музыкой: «Проспект Космонавтов, например, это основная мелодия, фортепьяно играет. А маленькие улочки – подголоски. Флейта там, кларнет. И они вливаются в основную мелодию, каждый в своем месте. А речка – виолончель, потому что темная вода. Виолончельный звук течет через весь город, а по дороге – стройные аккорды мостов. А на площадях сливаются, переплетаются мелодии всех улиц, и выходит вихрь звуков: с барабанами, с тарелками, валторна на пять четвертей, а контрабасы на три, и посередине – пожарная каланча, это труба, конечно. Звонкая труба на самом верху» [7, с. 163–164]. У героя рассказа «Пространственный кретинизм» в голове всегда слышна музыка, он часто теряет и мечтает записать город нотами, чтобы больше не заблудиться. Музыка становится для него способом освоения пространства.

В текстах фигурируют самые разные инструменты: виолончель, скрипка, ударные (барабан, ксилофон), пианино, гитара, флейта и другие, приводятся фамилии композиторов, названия их произведений [19]. Читатель подспудно получает массу сведений о музыке, которые легко могут быть увеличены за счет самостоятельного обращения читателя к источ-

никам информации. Современная доступность интернета позволяет не только прочитать, например, о восхищении героини «Весенней сонатой» Бетховена», но и прослушать ее. А увлечение персонажа, который тебе симпатичен, музыкой того или иного композитора вызывает желание сравнить впечатления: «А я влюбился в Моцарта по уши ... Она мне показала, как он дышит, как звучит – будто чистую воду пьешь; и из первой ноты так естественно вытекает вся соната, будто другой музыки там и быть не могло. Как скульптор достает уже готовую скульптуру из неотесанного камня, шаг за шагом, так и Моцарт – из мира звуков высекал одно единственно возможное произведение, удивительная штука, чудо. Музыка натянута от начала до конца, как леска, нигде не провисает, нигде не рвется... Моцарт прожил всего тридцать семь. Когда он успел столько?» [6, с. 15–16].

Именно личностное восприятие музыки того или иного композитора, представленное в текстах, представляется наиболее ценным: «Гайдн – чистый, как вода из горной речки. Бах – сложный, умный; кажется, что старую тяжелую книгу читаешь; и вдруг понимаешь, что там... Моцарт – что тут скажешь, это сама музыка... летит, не касаясь земли» [7, с. 37]. Яркие, образные сравнения широко используются автором для передачи впечатления от звучащей музыки: «На уроке я играю Баха. От солнца мой Бах растекается в лужу, расплывается, разбитое яйцо на полу, пальцы путаются. А я ведь выстроил его, и уже было, было здание, такое стройное, но хрупкое... Растеклось, рассыпалось» [6, с. 3–4]. Читателям произведений Дашевской не обязательно иметь музыкальное образование, но определенный культурный уровень необходим, чтобы в полной мере понять все аллюзии. Так, вторая часть повести «День числа Пи» носит название «Сальери» по имени итальянского композитора, который, по версии одной из трагедий Пушкина, отравил Моцарта. Кирилл Комлев называет себя Сальери, признавая талантливость музыки, написанной Львом Иноземцевым, и немного завидуя его дару, тогда как сам герой, искренне любящий музыку, такого создать не может.

Занятия музыкой, ежедневные, многочасовые, сложны. И порой у героев появляется желание изменить свою жизнь, тогда они как бы примеривают на себя другую. А если бы бросить музыку? Соня из рассказа «Панкратьев» обдумывает, чем бы она занялась в освободившиеся четыре часа в день: поехала бы в Москву, гуляла бы по своему городу и узнавала его, или читала. А Аркашка из рассказа «Дублин и море», оказавшийся с оркестром музыкальной школы на гастролях в Ирландии, и вовсе перевоплощается в некоего Стюарта. Он представляет, каким бы он был, если бы жил в этом городе у моря. Но ведь и Стюарт мог бы грезить о другой жизни – задумывается Аркашка. Множественность вариантов заставляет героя посоветовать на необходимость выбора только одного пути: «Как жалко, что жизнь одна. Так хочется, чтобы их было много. Ну хотя бы две. Чтобы и Нахимовское, и Мендельсон» [7, с. 130]. А вот бросившая музыкальную школу Ирка из рассказа «Ирка: скетчбук» признается: «Думала, времени появится вагон! И нет, все равно некогда» [11, с. 21].

Не раз Дашевская проводит мысль о важности занятий, о том, что это и есть настоящее дело. В рассказе «Панкратьев» герой объясняет это так: «Понимаешь, в тебе только и есть – музыка твоя. А без музыки – что? Кто вот ты без музыки? Просто Сенька. Ну, симпатичная. Есть и посимпатичней еще. ... У тебя дело есть. И ты его делаешь супер как. ... Поэтому ты круче всех» [8, с. 98]. В уста Михаила Соломоновича, преподавателя скрипки в музыкальном училище из повести «Скрипка неизвестного мастера», автор вкладывает мысль об ответственности человека за талант, который ему дан, и необходимости развивать его. Речь идет не только о музыке. Кнехт, художник, герой одноименного рассказа, уже немолодой человек, приходит к мысли, что нельзя предавать творчество, нужно трудиться, не размениваясь на деньги.

Следует отметить и высокий образовательный потенциал текстов Нины Дашевской. В произведениях есть имена художников и композиторов, писателей и поэтов: Ван Гога, Лейтенса, Тышлера, Шёнберга, Бродского, Набокова и других, есть и стихотворные строки, принадлежащие разным авторам. Количество такой информации невелико, но рассчитано на пытливого читателя, который обязательно обратится к справочной информации, если встретил незнакомое имя, что может стать поводом к изучению их творчества. Эти фамилии служат своеобразным кодом, который понимают только посвященные. Так, в повести «Скрипка неизвестного мастера» герой, идущий по трубе, падает и с досадой иронизирует над собой: «Тоже мне, канатоходец Тибул», героиня, случайно увидевшая падение и поспешившая на помощь, протягивая ему руку, спрашивает: «Ты зачем сюда лез, канатоходец Тибул, а?» [10, с. 32]. Такое совпадение в упоминании редко кому из подростков известного сегодня героя повести Ю. Олеша «Три толстяка» становится для него сигналом о том, что это человек, который сможет его понять.

Таким образом, тематика и проблематика произведений Нины Дашевской, принципы их построения, образы персонажей, сквозные мотивы являются основополагающими чертами ее художественного мира.

Список литературы

1. Александров Н. Интервью с Ниной Дашевской: «В каждом герое есть кусочек себя – ни один не получился окончательно плохим. Я не умею создавать отрицательных героев». URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-nina-dashevskaya-v-kazhdom-geroe-est-kusochek-sebya-poetomu-ni-odin-ne-poluchilsya-okonchatelno-plohim-ya-ne-umeyu-sozdavat-otricatelnyh-geroev-mozhet-byt-eto-minus-38777.html?ysclid=liw0yflk4a393012407> (дата обращения: 22.09.2023).
2. Бикбаева Э. Р. Большие тайны малых жанров: проект урока литературы по рассказу Н. Дашевской «Крендельков» // Филологический класс. 2018. № 2. С. 129–133.
3. Гутрина Л. Д. Современная проза на уроках литературы: книга Н. Дашевской «Около музыки» // Филологический класс. 2015. № 4. С. 52–54.
4. Данилова О. А. Прием «медленного чтения» на уроках по современной прозе: рассказ Нины Дашевской «Ой, то не вечер» // Филологический класс. 2017. № 1. С. 34–37.
5. Дашевская Н. С. Второй : рассказы. М. : КомпасГид, 2018. 128 с.
6. Дашевская Н. С. День числа Пи : повесть. М. : Самокат, 2022. 200 с.
7. Дашевская Н. С. Около музыки : рассказы. М. : РОСМЭН, 2015. 176 с.
8. Дашевская Н. С. Около музыки и другие рассказы. М. : КомпасГид, 2022. 432 с.
9. Дашевская Н. С. Поиск звука. Творогов : повесть. М. : Самокат, 2021. 144 с.
10. Дашевская Н. С. Скрипка неизвестного мастера : повесть. СПб. : Детское время, 2017. 144 с.
11. Дашевская Н. С. Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук : повести. М. : Самокат, 2022. 176 с.
12. Дашевская Н. С. Я не тормоз : повесть. М. : Самокат, 2022. 160 с.
13. Курочкина А. В. Особенности прозы Нины Дашевской на примере сборника рассказов «Второй». URL: <https://eee-science.ru/item-work/2023-2922/?ysclid=ln21gh95mz721706862> (дата обращения: 27.09.2023).
14. Кутейникова Н. Е. Одаренные дети в реалиях жизни и художественной литературе XXI века: Нина Дашевская. «День числа Пи». VII–IX классы // Литература в школе. 2019. № 2. С. 37–40.
15. Малыгина М. В. Жанровые традиции в «Скрипке неизвестного мастера» Нины Дашевской. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60627/1/initium_2018_029.pdf?ysclid=lkwp16saho813650945 (дата обращения: 22.09.2023).
16. Малыгина М. В. Книга рассказов Нины Дашевской «Около музыки» как художественное единство. URL: <https://zhivye-litsa.com/?Article=8> (дата обращения: 27.09.2023).
17. Малыгина М. В. Особенности прозы Н. Дашевской: методика жанрового анализа. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/11862/2/2018Malygina.pdf?ysclid=ln21mfshs1232733941> (дата обращения: 27.09.2023).
18. Фёдорова Н. Интервью с Ниной Дашевской: «Молодому автору издать книгу не за свой счет сейчас намного проще». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/148634-nina-dashevskaya-ob-eticheskikh-granichah-pisatelya?ysclid=liubgi2v5t672806734> (дата обращения: 22.06.2023).
19. Хормушко Е. А. Лексическая доминанта в характеристиках главных героев произведений Нины Дашевской // Технологии образования. 2022. № 3. С. 38–41.
20. Цуйцуй Чжан. Поэтика рассказов Нины Дашевской (по сборнику «Рассказы Волчка») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 158–169.

Features of Nina Dashevskaya's art world

Denisova Marina Aleksandrovna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University.
Russia, Voronezh. ORCID: 0009-0008-9977-8467. E-mail: deni-mar@list.ru

Abstract. The article is devoted to the work of the famous modern children's writer, whose works have repeatedly won prestigious literary competitions, including the All-Russian Kniguru Competition (2013, 2014, 2015), the International Children's Literary Prize named after V. Krapivin (2013, 2014), the New Children's Book Competition (2014), the Literary Prize named after S. Ya. Marshaka (2018) and others. The relevance of this study is due to the lack of theoretical works devoted to the analysis of Nina Dashevskaya's works published over the past decade. The purpose of the work is to study the integral system of the author's texts, which has certain characteristics. The object of research are collections of short stories "About Music" (2015), "The Second" (2018), "The Key" (2022), the novels "The Violin of an unknown master" (2015), "I am

not a brake" (2016), "The Day of Pi" (2018), "Timofey: notebook; Irka: Sketchbook" (2020), "Sound Search. Cottage cheese" (2021).

As a result, it is concluded that the author's characters are modern teenagers, original, enthusiastic, talented, they are looking for their own way, learning to communicate, make decisions, interact with other people. The author raises the problems of social isolation, lack of friends and relationships between brothers and sisters. The paper analyzes the values of the author's artistic world, the dominant artistic space, and the peculiarities of the plot structure of the works. Musicality and its realization in texts are considered as a fundamental feature of Dashevskaya's prose. The works demonstrate an educational aspect and a serious cognitive orientation of short stories and novellas, which is realized in information from the field of music, painting and literature. This work represents a stage in the study of modern literature for children and the work of Nina Dashevskaya, in particular, and opens up prospects for further research.

Keywords: modern children's literature, problem, hero, plot, composition.

References

1. Aleksandrov N. *Interv'yu s Ninoj Dashevskoj: "V kazhdom geroe est' kusocek sebya – ni odin ne poluchilsya okonchatel'no plohim. Ya ne umeyu sozdavat' otricatel'nyh geroev"* [Interview with Nina Dashevskaya: "Every character has a piece of himself – none turned out to be completely bad. I don't know how to create negative characters"]. Available at: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-nina-dashevskaya-v-kazhdom-geroe-est-kusocek-sebya-poetomu-ni-odin-ne-poluchilsya-okonchatel'no-plohim-ya-ne-umeyu-sozdavat-otricatel'nyh-geroev-mozhet-byt-eto-minus-38777.html?ysclid=liw0yfk14a393012407> (date accessed: 22.09.2023).
2. Bikbaeva E. R. *Bol'shie tajny malyh zhanrov: proekt uroka literatury po rasskazu N. Dashevskoj "Krendel'kov"* [Big secrets of small genres: a draft literature lesson based on N. Dashevskaya's story "Pretzels"] // *Filologicheskij klass – Philological class*. 2018. No. 2. Pp. 129–133.
3. Gutrina L. D. *Sovremennaya proza na urokah literatury: kniga N. Dashevskoj "Okolo muzyki"* [Modern prose in literature lessons: N. Dashevskaya's book "About Music"] // *Filologicheskij klass – Philological class*. 2015. No. 4. Pp. 52–54.
4. Danilova O. A. *Priem "medlennogo chteniya" na urokah po sovremennoj proze: rasskaz Niny Dashevskoj "Oj, to ne vecher"* [The reception of "slow reading" in modern prose lessons: Nina Dashevskaya's story "Oh, it's not evening"] // *Filologicheskij klass – Philological class*. 2017. No. 1. Pp. 34–37.
5. Dashevskaya N. S. *Vtoroj : rasskazy* [The second : stories]. M. KompasGid. 2018. 128 p.
6. Dashevskaya N. S. *Den' chisla Pi : povest'* [Day of Pi : a story]. M. Samokat (Scooter). 2022. 200 p.
7. Dashevskaya N. S. *Okolo muzyki : rasskazy* [About music : stories]. M. ROSMAN. 2015. 176 p.
8. Dashevskaya N. S. *Okolo muzyki i drugie rasskazy* [About music and other stories]. M. KompasGid. 2022. 432 p.
9. Dashevskaya N. S. *Poisk zvuka. Tvorogov : povest'* [Sound search. Cottage cheese : a story]. M. Samokat (Scooter). 2021. 144 p.
10. Dashevskaya N. S. *Skripka neizvestnogo мастера : povest'* [The violin of an unknown master : a story]. SPb. Children's Time. 2017. 144 p.
11. Dashevskaya N. S. *Timofej: bloknот. Irka: sketchbuk : povesti* [Timofey: notebook. Irka: sketchbook : stories]. M. Samokat (Scooter). 2022. 176 p.
12. Dashevskaya N. S. *Ya ne tormoz : povest'* [I am not a brake : a story]. M. Samokat (Scooter). 2022. 160 p.
13. Kurochkina A. V. *Osobennosti prozy Niny Dashevskoj na primere sbornika rasskazov "Vtoroj"* [Features of Nina Dashevskaya's prose on the example of the collection of short stories "The Second"]. Available at: <https://eee-science.ru/item-work/2023-2922/?ysclid=ln21gh95mz721706862> (date accessed: 27.09.2023).
14. Kutejnikova N. E. *Odarennye deti v realiyah zhizni i hudozhestvennoj literature XXI veka: Nina Dashevskaya. "Den' chisla Pi". VII–IX klassy* [Gifted children in the realities of life and fiction of the XXI century: Nina Dashevskaya. "The day of Pi." VII–IX grades] // *Literatura v shkole – Literature at school*. 2019. No. 2. Pp. 37–40.
15. Malygina M. V. *Zhanrovye tradicii v "Skripke neizvestnogo мастера" Niny Dashevskoj* [Genre traditions in the Violin of an Unknown Master by Nina Dashevskaya]. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60627/1/initium_2018_029.pdf?ysclid=lkwp16saho813650945 (date accessed: 22.09.2023).
16. Malygina M. V. *Kniga rasskazov Niny Dashevskoj "Okolo muzyki" kak hudozhestvennoe edinstvo* [Nina Dashevskaya's book of short stories "About Music" as an artistic unity]. Available at: <https://zhivye-litsa.com/?Article=8> (date accessed: 27.09.2023).
17. Malygina M. V. *Osobennosti prozy N. Dashevskoj: metodika zhanrovogo analiza* [Features of N. Dashevskaya's prose: a method of genre analysis]. Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/11862/2/2018Malygina.pdf?ysclid=ln21mfshs1232733941> (date accessed: 27.09.2023).
18. Fyodorova N. *Interv'yu s Ninoj Dashevskoj: "Molodomu avtoru izdat' knigu ne za svoj schet seychas namnogo proshche"* [Interview with Nina Dashevskaya: "It is much easier for a young author to publish a book not at his own expense now"]. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/148634-nina-dashevskaya-ob-eticheskikh-granichah-pisatelya?ysclid=liubgi2v5t672806734> (date accessed: 22.06.2023).

19. *Hormushko E. A. Leksicheskaya dominanta v harakteristikah glavnyh geroev proizvedenij Niny Dashevskoj* [Lexical dominance in the characteristics of the main characters of Nina Dashevskaya's works] // *Technologies of education*. 2022. No. 3. Pp. 38–41.

20. *Cuicui Zhang. Poetika rasskazov Niny Dashevskoj (po sborniku "Rasskazy Volchka")* [The poetics of Nina Dashevskaya's short stories (based on the collection "Stories of a Spinning Top")] // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Cherepovets State University*. 2023. No. 4 (115). Pp. 158–169.